

Глава 8

Знакомство с «роднёй»

Втроём на одной кровати было настолько тесно, что половина тела Фан Цзычэня всю ночь фактически свисала в пустоту. Он не рискнул лишний раз перевернуться, и в сочетании с недавними побоями это привело к тому, что наутро у юноши ныла каждая косточка.

Чжао-гэр с сыном поднялись ещё до рассвета. Фан Цзычэнь зачерпнул ковшом воды из кадки, умылся и теперь со скучающим видом сидел на пороге.

Вообще-то он планировал сегодня навеститься в город и осмотреться, но после вчерашнего переполоха Чжао-гэр уговорил его подождать до послезавтра. Как раз будет базарный день, и можно будет примкнуть к кому-нибудь из односельчан. Молодому человеку было всё равно, поэтому он легко согласился.

Уснул он накануне быстро, так что и проснулся не поздно. Небо только-только тронула алая заря, и солнце едва показалось над горизонтом.

Летним утром горы окутывал густой туман. В доме дел не нашлось, кадка была полна воды, и Фан Цзычэнь гадал, куда же Чжао-гэр увёл ребёнка в такую рань.

Минут через десять гэр вернулся, сгибаясь под тяжёлой вязанкой хвороста.

Гуай-цзай семенил рядом, прижимая к груди охапку испачканных землёй диких трав. Штанины у отца с сыном насквозь промокли от росы.

Глядя на огромную охапку дров за спиной супруга, Фан Цзычэнь сразу понял: этот человек вышел из дома ещё в предрассветных сумерках.

— Отец! — первым окликнул его Гуай-цзай.

Молодой человек подошёл к ним, потрепал малыша по щеке и, игнорируя попытки Чжао-гэра возразить, решительно перехватил у него вязанку.

— Почему ты не сказал, что идёшь за дровами в такую рань?

Пока он добирался от Южной горы и тащил этот груз, Чжао-гэр окончательно запыхался. Его дыхание было прерывистым и тяжёлым.

— Дома всё закончилось, — выдохнул он.

— Мог бы и меня позвать. Тяжело же, небось все силы вымотал? — Фан Цзычэнь закинул хворост на плечо. В отличие от супруга, который под этим весом едва передвигал ноги, он шёл легко и непринуждённо, будто ноша ничего не весила. Его слова прозвучали как бы между прочим, но в них чувствовалось столько тепла, что сердце Чжао-гэра невольно дрогнуло.

Усталое и остывшее на утреннем холоде тело постепенно начало согреваться, а в душе шевельнулась трудноописуемая горечь, смешанная с благодарностью.

— Не тяжело, — он опустил глаза и, взяв Гуай-цзая за руку, пошёл рядом. — Я привык.

Фан Цзычэнь бросил на него короткий взгляд.

— Ты же не из железа сделан. Вязанка такая огромная, что издали я только её и видел, тебя за ней вообще заметно не было. — Он свободной рукой взъерошил сухие, жестковатые волосы на макушке сына. — Ишь, с самого утра впряглись в работу. Посмотри на пацана, все штаны мокрые. Кто не знает, решит ещё, что я над пасынком издеваюсь!

— ...

— А ведь я вообще-то добрый отчим, — добавил Фан Цзычэнь.

— ...

Западная комната пустовала. Когда староста снимал дверь, чтобы соорудить Фан Цзычэню кровать, от неё откололся кусок шириной с голень. Хэ Си просто забросил эту доску в пустую комнату, а теперь Цзычэнь решил пустить её в дело и хоть немного расширить спальное место. Пока он возился, Чжао-гэр предупредил, что ему нужно уйти поработать. Юноша, не особо вникая, просто кивнул.

К обеду кровать была готова, но супруг всё не возвращался. Фан Цзычэнь решил сам сварить кашу. Запасов зерна в доме оставалось кот наплакал, завтрака утром не было, и в животе уже вовсю урчало. Как раз в тот момент, когда он наливал воду в котёл, в дом вбежал Гуай-цзай.

Личико малыша так и блестело от пота. Он подвернул край своей рубашонки, соорудив подобие кармана, который теперь заметно оттопыривался, обнажая полоску белого, худого живота.

— Отец! — позвал он.

Фан Цзычэнь уже привык к этому обращению. Глядя на покрасневшее лицо мальчика, он поймал себя на мысли, что больше не чувствует никакой неловкости.

«Адаптивность у человека, конечно, потрясающая... — он усмехнулся про себя. — Стоило малышу позвать его всего несколько раз, как он уже окончательно вошёл в роль»

Он указал на импровизированный мешок:

— И что это ты там несёшь?

— Батат, — ответил Гуай-цзай. Он уже говорил довольно бегло, лишь изредка путаясь в произношении некоторых слов. — Папа помогает тётушке Хэ в поле, а они дали нам батат.

— Батат вкусный. Это отцу.

Услышав это, Фан Цзычэнь рассмеялся:

— Ну, значит, не зря я тебе вчера лягушек ловил.

Гуай-цзай развернул подол. Внутри оказалось пять клубней величиной с кулак. Все они были повреждены мотыгой — где бок отбит, где край срезан, — ни одного целого.

Фан Цзычэнь был знаком с этим корнеплодом. Раньше у ворот школы торговцы часто продавали запечённый батат. От него шёл такой аромат, что устоять было невозможно. Второй брат несколько раз покупал ему такое лакомство — сладкое, мягкое, очень вкусное.

Правда, условий для запекания в доме не было, поэтому молодой человек, недолго думая, просто вымыл клубни и забросил их в котёл.

Варёный он, наверное, тоже должен быть неплох... Наверное.

На улице нещадно палило солнце — наступил самый жаркий час. Гуай-цзай вернулся, и Фан Цзычэнь рассчитывал, что Чжао-гэр тоже вот-вот появится. Однако клубни уже сварились, а на пороге так никто и не появился.

Он съел один батат сам, почистил другой для сына, а когда тот закончил, сложил остатки в ту самую дырявую корзину, с которой Чжао-гэр обычно ходил за травами.

Он присел перед малышом и спросил:

— Пойдём искать твоего папу?

— Пойдём, — Гуай-цзай посмотрел на корзинку. — Отнесём папе батат.

— Помнишь, где он работает?

— Помню.

Хотя ребёнку было всего три года, Чжао-гэр всегда брал его с собой: и когда шёл за дровами, и когда работал в поле или собирал травы. Будь этот малыш чуть посильнее, он бы уже всю деревню Сяохэ своими пятками истоптал. В этом крошечном поселении не осталось места, которого бы он не знал.

Стоило им выйти и пройти немного по тропинке, как у Фан Цзычэня поплыло в глазах от зноя. Даже воздух, врывавшийся в лёгкие, казался раскалённым. Трава у дороги пожухла и поникла, а на полях, куда ни глянь, не было ни души.

Оно и понятно — мало кто решится так рисковать здоровьем в подобное пекло.

Фан Цзычэнь подхватил Гуай-цзая на руки, сорвал ветку с густой листвой, чтобы хоть как-то прикрыться от солнца, и вскоре увидел вдали работающего в поле супруга.

Нашёлся-таки один безумец.

— Папа там! — закричал малыш. — Папа-а!

Чжао-гэр, мерно взмахивавший мотыгой, услышал крик, вытер пот со лба и обернулся. Увидев Фан Цзычэня, он, казалось, ничуть не удивился.

Лицо его, успевшее заметно загореть, было мокрым от пота. Капли одна за другой катились вниз, а рубаха на спине потемнела и неприятно липла к коже. От этой духоты и непрерывной работы он явно был на грани обморока.

Опираясь на мотыгу, Чжао-гэр пошатнулся.

Фан Цзычэнь бросился к нему и подхватил под локоть.

— Я в порядке... — прохрипел гэр. Голос его звучал так сухо, будто он не пил вечность.

Юноша, не слушая возражений, закинул его руку себе на плечо и силой оттащил в тень дерева. Он впервые по-настоящему рассердился на него:

— «В порядке» он! Ты что, ждёшь, пока копыта отбросишь и остынешь прямо здесь, на грядке? Вот тогда это будет «не в порядке»! — Он достал из корзины чашку с водой и протянул ему. — Пей давай. Не хватало мне ещё вдовцом стать в первый же день. Фулан только в дом вошёл — и

сразу в ящик. Люди же скажут, что я приношу несчастье своим супругам и в гроб их свожу!

Рука Чжао-гэра, принимавшая чашку, дрогнула. Он молча и оторопело уставился на него.

— Чего уставился? На меня смотреть — жажду не утолишь! — поторопил его Фан Цзычэнь. — Пей живо!

— Папа! — Гуай-цзай протянул ему очищенный клубень. — Кушай.

— Умница, — Чжао-гэр увидел, что в корзинке осталось ещё два плода, и посмотрел на Фан Цзычэня: — А ты ел?

— Ага, — кивнул тот. — Сварили и, не дождавшись тебя, перекусили.

Чжао-гэр опустил глаза и откусил кусочек. Сладкий, нежный вкус мгновенно наполнил рот.

— Мне нужно до вечера здесь закончить. У тётушки Хэ в этом году батата уродилось много.

В деревне Сяохэ почти все носили фамилию Хэ. Фан Цзычэнь жил здесь всего второй день и, кроме старосты да семьи Ма, ни с кем особо не общался. Кто такая эта тётушка Хэ?

— И где они все? — мрачно спросил он.

— Жарко слишком, они по домам разошлись, — ответил Чжао-гэр. — Только к вечеру вернутся.

— А ты почему не ушёл? — Фан Цзычэнь явно был не в духе, его тон становился всё тяжелее.

Чжао-гэр сжал в руке остаток овоща и промолчал.

Юноша был человеком мягкосердечным, умел сопереживать, и Чжао-гэр не был дураком — он понимал, что тот злится от беспокойства. Вчера он говорил такие правильные слова, утешал его, но еды-то в доме почти нет. К тому же Цзычэнь парень изнеженный, кашу из диких трав есть не может. Батат куда вкуснее. Супруг просто хотел заработать побольше, чтобы принести домой еду, и никак не ожидал, что это так расстроит его «мужа».

— Что молчишь?

— Тётушка Хэ сказала... если я много сделаю, она даст мне побольше клубней, — едва слышно пробормотал он.

На самом деле слова тётушки были куда жёстче. Она велела Чжао-гэру выкопать всё это поле за обеденный перерыв. Гэр не первый раз помогал ей по хозяйству. Договорились на три медяка в день, но она явно хотела, чтобы он вкалывал в поле от зари до зари. Выжимать из людей все соки она умела мастерски.

Фан Цзычэнь только горько усмехнулся.

Неужели в наше время батат стал настолько ценным, что за него можно вот так, не жалея жизни, надрываться?

— Отдыхай, — сказал он. — Сейчас я за тебя доделаю. А эта твоя тётушка Хэ или как её там — просто мегера какая-то. Так людей эксплуатировать... Будь у меня сейчас деньги, я бы ей вместо клубней по физиономии выдал.

На улице стояло невыносимое пекло. Даже в тени пот катился градом. Вообще-то Фан Цзычэнь хотел немедленно забрать супруга домой, но раз тот уже вкалывал всё утро и половина поля была перекопана, уйти сейчас — значит остаться ни с чем. Получится, что они просто подарили этой женщине свой труд.

Нет, так не пойдёт. Никаких «домой». Даже если солнце в макушку ударит. Батат сейчас дороже жизни.

Отдохнув полчаса, Фан Цзычэнь взвалил мотыгу на плечо и вышел в поле. Ботва уже была скошена, и перед ним расстилалась голая, растрескавшаяся от зноя земля.

Он отродясь не работал в поле, поэтому сейчас стоял над грядкой, не зная, с какого боку подступиться к инструменту. Но обучался он быстро. Подозвал Чжао-гэра, попросил показать пару раз, как надо, и после двух взмахов решил, что навык освоен в совершенстве.

— Всё, я понял. Иди отдыхай.

— Правда умеешь? — с сомнением спросил Чжао-гэр.

— Обижаешь! — уверенно заявил юноша. — Тут же не квантовая физика, дело нехитрое.

Чжао-гэр, видя его самоуверенность, только добавил:

— Тогда постарайся не попортить...

Закончить он не успел. Фан Цзычэнь с размаху опустил мотыгу, и она с хрустом вонзилась аккуратно в самую гущу клубней. Три штуки оказались буквально насажены на лезвие.

— ...

Всё-таки в любом деле нужен профессионал. Не прошло и пяти минут, как под обеспокоенным взглядом Чжао-гэра, Фан Цзычэнь со смущённым видом вернул ему мотыгу.

— ...Да, тут, оказывается, сноровка нужна. Технологичный процесс, так сказать. Давай лучше ты, как специалист, а я на подхвате буду.

— Иди в тень, — Чжао-гэр поднял голову и, заметив, как сильно покраснело лицо супруга на солнце, поджал губы. — Я быстро. До темноты всё выкопаю.

Глядя на гору испорченного батата и вспоминая недавнее выражение лица гэра — мол, «столько хвастался, а сам такой неумеха», — Фан Цзычэнь почувствовал, как лицо горит ещё сильнее.

— Ты копай, я подбирать буду. Давай-давай, поторапливайся. И нечего на меня смотреть, я знаю, что я красавчик.

Он пытался спасти остатки своего достоинства, но голос невольно выдавал его замешательство. Чжао-гэр едва заметно улыбнулся, ничего не сказал и принялся за работу.

Поскольку корзину тётушка Хэ забрала с собой, Фан Цзычэнь просто складывал батат в кучи. Гуай-цзай подбежал к ним, желая помочь, но молодой человек легонько ущипнул его за щёку. Горло уже саднило от жажды.

— Не надо. Я-то едва держусь, а если ты в сухарик превратишься, кто меня в старости кормить будет? Будь умницей, иди под дерево. Закончим — пойдём ловить кузнечиков для твоих лягушек.

Гуай-цзай надул губы:

— Я тоже могу работать!

— Конечно, конечно, — отмахнулся Фан Цзычэнь. Он выбрал самый крупный клубень и показал его малышу: — Смотри, этот батат почти с твою голову размером. Иди в тенёк, поспи часок — глядишь, проснёшься и перерастёшь его.

Мальчик заворожённо уставился на овощ в его руках. Цзычэнь, решив поучать его «по-мужски», спросил:

— Послушай, ты как будущий мужчина знаешь, какие две вещи у тебя не должны быть маленькими?

Гуай-цзай почесал макушку:

— Не зна-аю.

Фан Цзычэнь усмехнулся и многозначительно вскинул брови:

— Конечно же, твоя голова и твой «младший брат».

— Чего? — малыш непонимающе наклонил голову.

— Ну, твоя «птичка» в штанах, которая ещё не обросла перьями, — пояснил Цзычэнь.

Чего-о?! Глаза Гуай-цзая округлились. Он тут же заглянул себе в штаны, но там было пусто.

— ...Отец, — он выглядел крайне разочарованным, всё личико его поникло. — Нету там никакой птички!

— Ха-ха-ха! Как это нету? Если нету — значит, евнух, ха-ха-ха!

Чжао-гэр долго терпел, но в конце концов не выдержал и вмешался:

— Не смей учить его всяким глупостям!

Фан Цзычэнь и не думал признавать вину:

— Почему это глупостям? Я помогаю ему познакомиться с «роднёй»! Это мужские дела, если не понимаешь — не лезь, а то репутацию мне испортишь. Иди-ка сюда.

Когда Гуай-цзай подошёл, Фан Цзычэнь слегка оттянул край его штанишек и легонько щёлкнул по его достоинству:

— А это тогда что, по-твоему? Это и есть твоя маленькая птичка. Символ нашей мужской силы! Ты должен её беречь, она тебе в будущем очень пригодится, понял?

— ...

— Угу! — Гуай-цзай ничего не понял, но на всякий случай кивнул.

Глядя на этого послушного мальчишку, который, несмотря на худобу и бледность, обладал на

редкость правильными чертами лица, Фан Цзычэнь вспомнил о местных гэрах, которых не отличишь от мужчин, и добавил:

— И запомни: никогда не позволяй чужим лезть к тебе в штаны. Если кто попробует — сразу кричи, что он извращенец.

— А «и-вра-щенец» — это кто?

— Это плохой человек, который так и норовит пощупать тебя за всякие места.

Гуай-цзай нахмурился и едва слышно пролепетал:

— Отец и папа — не извращенцы.

— Я-то уж точно нет! — тут же отозвался Фан Цзычэнь. Он взглянул на Чжао-гэра и улыбнулся. Тот смотрел на него своим чистым, невинным взглядом, и в душе юноши внезапно проснулось желание подразнить его. Он подбросил на ладони батат и ехидным голосом добавил: — А вот насчёт твоего папы... тут я, знаешь ли, не уверен.

— ...

То ли от усталости и помутнения рассудка, то ли оттого, что улыбка Фан Цзычэня на ярком солнце была слишком ослепительной, а может, короткое знакомство придало Чжао-гэру смелости, но прежде чем он успел опомниться, увесистый ком земли размером с кулак уже вылетел из его руки прямо в «мужа».

— ...

Фан Цзычэнь так и замер на месте, опешив.

«Ничего себе... Неужели он правда настолько суров?»

<http://bllate.org/book/15357/1415940>